

Андрей Расторгуев

ТЮРКИШ КОФЕ

Поэма

Никогда я не был на Босфоре...

С. Есенин

Андрей Петрович Расторгуев родился в 1964 году в Магнитогорске. Окончил Уральский государственный университет и Российскую академию государственной службы при Президенте РФ. Кандидат исторических наук. Работал журналистом, госслужащим, в коммерческих структурах. Публиковался в журналах «Наши современники», «Литературная учеба», «Урал», «Север» и др. Автор 8 книг стихов, переводов и литературно-критических статей. Лауреат государственной премии республики Коми, премии журнала «Урал», литературной премии Уральского федерального округа. Член Союза писателей России. Живет в Екатеринбурге.

Странное время жизнью живет двойной,
пересловив мир пополам с войной:
в ласковый, полулетний осенний зной
можно попасть из зоны прифронтовой.
В людном вокзале или аэропорту,
видя парней, отправляющихся на черту,
молча глаза отводишь, как виноват,
что на восход поехал, а не закат...

I

От повседневного — туда,
где, поездам давая фору,
видны под крыльями суда,
сходящиеся к Босфору,
где, сопрягаемы вдвоем
и днями, и ночными снами,
мы снова берега сведем
пролива, легшего меж нами,
и где не просквозит пока
среди продолженного лета
ракета тонкие бока
взлетающего самолета.

II

Легкой шторою неотразим,
нашей временной крыши поодаль
с минарета опять муэдзин
будит дремлющий Константинополь,

и, подобно волне приливной,
по крутым переулкам Царьграда
подымается говор дневной
многоликоязычного склада.

Впрочем, что это я говорю?
Из окошка, похоже, надуло...
Незапамятную зарю
возглашают мечети Стамбула,
и, в который — неведомо! — раз,
не подвержены утренней лени,
сотворить непрменный намаз
правверные клонят колени...

Пролетело немислимо лет
для досужих писателей блогов:
как булатом прошелся Мехмет
по империи Палеологов,
а по давним местам и теперь,
пять веков или шесть миновало,
время, словно нажравшийся зверь,
цареградских руин не сглодало.

Только что я опять говорю?
Ты, похоже, уже заскучала...
Наступает конец октябрю,
ноябрю наступает начало.
Мы с тобою, и солнце печет,
точно впрямь продолжается лето,
и по-прежнему время течет,
как за тысячу лет до рассвета.

III

Московское время, но в небе довольно огня.
Пойдем надышаться свободой теплого дня —
вчера в минус десять мы грели друг друга в обнимку.
В желательно нетуристическом уголке
турецкого кофе отведаем на языке,
доверим историю запечатлеть фотоснимку.

И нашу с тобою, и что совершилась давно.
Но что свершено — непременно ли завершено?
Потрогай: жива под землей вековая стихия...
На разные органы чувств ощущается здесь
Европы и Азии замысловатая смесь,
и в каждой мечети мне видится Айя-София.

IV

А мир горит войной еще одной:
взамен ковра два деловитых турка
полотнище с давидовой звездой
прибили на бульваре Ататюрка —

мол, попирай подошвой, люд честной,
виновное светило дел кровавых...
Где два народа сходятся стеной,
трудней делить на правых и неправых.

От палестин восточных далеки,
в жилье попутном или в доме отчем
мы по чужим гербам не ходоки
и собственных тем более не топчем.
Нацистских только, жаль, не извели —
они всегда такой достойны чести...
Вчера две украинки помогли
с тобою мне запечатлеться вместе.

V

Вечной душе — мечети,
если она в почете.
Временной плоти храм —
хамам.

Навзничь на теплый камень —
не шевеля руками,
медленно, без затей
потей.

После на перемене
в мыльной пузырярной пене
банщик тебя помнет —
свежей водой польет...

Все это не реклама
ни одного хамама.
Просто пошли разок —
ОК.

Ладно — вам, как родне:
мечеть Сулеймание.

Так хорошо в хамаме —
как при родимой маме:
мрамор, тепло, уют...
А веников — не дают.

VI

До мути внутренней и донной
играла лодкою вода,
когда кильватерной колонной
пошли военные суда.
И самолеты боевые
взлетели в сомкнутом строю,
переплетая дымовые
следы в единую струю.

Так вдохновляюще и гордо
свое справляла торжество
в былом блистательная Порта —
сто лет республика всего.
Красиво плыли и летели —
мол, нам века, и впереди —
смертоубийственные цели,
когда — Господь не приведи...

VII

Пешими туристами
вновь, как на корню,
мы сошли на пристани
Эминеню.
Турки огорчения
не сдержали: ишь,
столько было рвения —
и где бакшиш?
Рисковали, выплыли —
сверху ни гроша...
Чаю мало выпили
для бакшиша.

VIII

Джезва, поднос, две чашечки — вроде профи
делал набор посуды для тюркиш кофе.
Не на базар в галдящую кутерьму —
мы в мастерскую сами пришли к нему.

Лично я тюркиш кофе не очень пьющий —
в рот непременно лезут крупинки гущи.
Разве что для прикола когда подать
да о туманном будущем погадать...

Мастер Месут, казалось, польщен запросом.
Цену назвал, а я отвечал со сбросом:
раз не поторговался — считай, ступил...
Вижу, Месут замялся — но уступил.

А как налили джезvu — всего две стопки, —
стала вода сочиться из-под заклепки.
Дома теперь умельца поди найди,
что запаляет дырочку на меди.

Не поминаю мастера с укоризной.
Сказано — не гоняйся за дешевизной.
Созданное принимая из рук творца,
не оскорби его суетой скупца.

IX

Материал человеческой жизни хрусток,
сквозь монитор дыханием не согреть...
Хоть на константинопольский перекресток
съехаться, да обняться, да посмотреть.

Что вкруговую, дорого — не помеха:
есть до войны отложенные рубли
да на железном занавесе прореха,
выкопанном снова из-под земли.

Время играет пальцами: то придавят,
а то прибавят воздуха на пятак...
Знал: непременно выроют, переставят
ближе — а не догадывался, что так.

Ржавчиною железо — сплошная рана,
две стороны — с обеих освежено,
да заодно на обе взамен экрана
разное всем показывают кино.

Время играет пальцами: год за годом
менее все его остается мне...
С дочерью говорили о чем угодно,
только не о надвигающейся войне.

X

В мире, где все дробится,
странная есть граница:
режут ее века
в теле материка.

В прорезях ныне живы
реки или проливы,
или открыт ветрам
долгий шершавый шрам.

Ты посмеешься: вроде
нет ее на природе...
Не торопи коней —
я родился на ней.

Где на две части света
разделена планета,
жителям не беда —
ходят туда-сюда.

Не постовыми — просто
по мосту или мосту
на дом или на труд.
Надвое не живут.

Эти вот человеки —
вечные попереки,
а я границы вдоль —
но не «чего изволь».

Время не помешало —
к Маточкиному Шару.
Ныне почти сумел
до Дарданелл.

То есть почти до точки.
Горы, мосты, мосточки...
Может, не разорвет
материковый свод.

XI

Времени, милая, бросим ли мы упрек,
если давно с тобой соединены?
Бедра твои — словно карта сибирских рек:
самых великих, меньшие не видны.

Древние статуи голеней не стройней —
вон как с утра до вечера наравне
тесные улицы римских еще корней
стойко обходишь, не уступая мне.

Что нам с тобой о будущем говорить
в благословенном крае дождливых зим,
где каждый день Аллаха благодарить
нас призывает пением муэдзин?

Но во Влахернской церкви, помилуй Бог,
где по ступеням в толщу веков сошли,
я попросил о крепости наших ног,
чтобы подолее далее нас вели.

XII

Никто не знает, что случится далее,
кому встречать победную весну.
Христу сменили берцами сандалии
и тоже отрядили на войну.

Войну Тридцатилетнюю, Столетнюю —
узнаешь, как закончится она.
Несметную в ряду — и не последнюю,
пока идут земные времена.

Пока еще детей рожают женщины,
пока мужчин не побрала земля,
пока растут невидимые трещины
и разрывают минные поля...

И мы с тобой не ведаем по давню так
в неумолимой смене январей,
когда дождемся наших внуков-правнуков —
не с фронта, а от наших дочерей.

XIII

Веками ходкими храним,
в зашедшего не ради Бога
айя-софийский серафим
глядит задумчиво и строго.

Один он тут за небеса,
очеловеченные в краске,
а на другие паруса
надеты звездчатые маски.

Один, наверно, до конца
над церковью и над мечетью
узнал, как не терять лица
за полтора тысячелетья.

XIV

И себя надеждой не покинь —
выпитую чашку опрокинь,
обо всем, что суще и несуще,
погадай мне на кофейной гуще.

Кофе горек, гуща невкусна —
выдумка, однако, не тесна:
что за очевидная примета
явится на свет из силуэта.

Против правды, знамо, не попрем,
разве что настолечко соврем —
истиною голой не обидим...
Словом, живы будем — не попрем
и кофейной горечи попьем.
Русской ли, турецкой ли — увидим.

P.S.

Прояснило в поределой чаще —
на свету идти благослови...
Я с недавних пор намного чаще
говорю с тобою о любви.

Здесь напрасен юношеский лепет,
и навзрыд не стоит истерить.
Мы всегда ее неровный трепет
языком боялись истереть.

Опасалась и едва касалась
голосов зажатых и она
до поры, пока не оказалось —
слабнет, если не воплощена.

Да не только телом, чтобы снова
в теле наслаждение найти —
ласковое искреннее слово
требуется духу во плоти.

А нашлось, забрызгало огнями —
мы вдвоем на целый окоем.
Хоть Босфор окажется меж нами —
не перебежим, так перейдем.

Будущее прошлого почище,
оттого его не тороплю,
с некоторых пор намного чаще
слыша непривычное «люблю».